

Семён Альтов

классика жанра

Семен Альтов
Классика жанра
Серия «Одобрено Рунетом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66285288

Классика жанра: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-138909-3

Аннотация

Семён Альтов – последний из могикан уходящего жанра. Прикрывшись бумажкой, пятьдесят лет подряд читает со сцены то, что сам пишет.

Невозмутимое мрачное лицо, бубнящий на одной ноте голос – а люди смеются.

Альтов работает в жанре осмысленного юмора. Считает, «текст должен кончаться там, где кончается мысль».

По старинке выступает без мата, что сегодня резко сужает аудиторию. Тем не менее она у него все еще есть.

Что-то из написанного ушло в народ, что-то из народа вернулось в сюжеты.

Классиками становятся посмертно. Для Альтова сделаем исключение.

Содержание

1970–1980	5
Муха	6
Чужой пассажир	7
Геракл	10
Эстетика	14
Потомственный неудачник	15
Первая гастроль	18
Магдалина	21
Золушка	24
Мечь	27
Сексанфу	29
Бери, не бери	34
Страус	35
Печень Прометея	36
Вечер встречи	37
Умелец	40
Ежедневно	43
Пернатый	45
Кому больше всех надо	47
Глядя из Лондона	49
О природе вещей	52
Карьерист	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Семён Альтов

Классика жанра

Шарж на обложке: *Александр Сергеев*

© Семён Альтов, текст, 2021

© Екатерина Альтова, ил., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

1970-1980

A

Муха

Старая муха самоотверженно билась башкой о стекло.

Разворачивалась и, надрывно жужжа, бесстрашно шла на таран.

По другую сторону окна, там, где улица, сидела молодая, зеленая еще муха и, затаив дыхание, наблюдала за старой.

Часа через два та упала без сил.

Молодая спросила:

– Если не секрет, зачем биться о стекло, когда рядом открыто окно настезь?!

Старая муха еле двигала челюстями:

– Глупая! В открытое окно любой дурак вылететь может! «Влетел – вылетел, влетел – вылетел» – разве живем ради этого? А вот ты поработай своей головой, пока не распухнет! Пока пол с потолком не сольется! И вот, когда жужжать уже нечем, ползешь туда, где открыто!

Мой папа бился головой о стекло. Мама покойная билась. И мне завещали: только преодолевая трудности, почувствуешь себя человеком!

Чужой пассажир

По перрону, задыхаясь, бежал человек с чемоданом. Добежав до шестого вагона, сунул проводнице билет:

– Фу! Еле успел!

– Минуточку! – сказала девушка в пилотке. – Успели, да не туда! Это не ваш поезд!

– Как не мой?! А чей?

– Наш двадцать пятый, а ваш двадцать восьмой! Он ушел час назад. Счастливого пути!

– Пойдите! – закричал пассажир, набирая скорость вместе с поездом. – Я купил билет! Дайте влезть!

– Я тебе влезу! – рявкнула проводница. – Не лапайте чужой поезд! Бегите в кассу, поменяйте билет, тогда милости просим! Или дуйте к бригадиру в десятый вагон!..

Гражданин прибавил скорость и, поравнявшись с десятым вагоном, завопил в открытое окно:

– Купил билет в шестой вагон, а она говорит «не ваш поезд»!

Поправляя перед зеркалом фуражку, бригадир сказал:

– У меня сейчас обход состава. Загляните минут через тридцать!..

Через полчаса он вернулся и ухватил протянутый в окно билет:

– Во печатают, чем не сволочи? Скажите Гале, я разре-

шил!..

Пассажир сбавил скорость и, поравнявшись с шестым вагоном, закричал:

– Галочка! Бригадир сказал: сажайте меня!

– У вас тринадцатое место! А на нем едет женщина! Незамужняя! Что вы с ней на одной полке делать будете? Не посажу! Так бригадиру и передайте!..

Состав набрал скорость и грохотал на стыках. Пассажиры начали раскладывать на столиках ужин.

– А ведь хорошо бежит, товарищ! – сказал лысый дядька. – Могу поспорить, дома он будет раньше нас!

Пассажир в шортиках не спеша резал сало:

– По асфальту каждый может. Посмотрим, как он, родимый, по болоту пойдет...

Пассажир с чемоданом продолжал мотаться вдоль поезда от проводницы к бригадиру и обратно. Он был уже в трусах, майке и галстуке.

Чуя добычу, в небе кружил орел-стервятник.

По вагонам пошли ревизоры:

– А за окном у вас кто бежит?

– Да вроде с нашего поезда!

– С нашего?! – Ревизор высунулся в окно: – Молодой человек! Билет есть?

Гражданин полез в трусы за билетом.

– Верю! Надо людям верить! – сказал ревизор, обращаясь к пассажирам. – Пусть бежит согласно билету. А то некото-

рые норовят зайцем!..

В купе ехала бабушка с внучкой и двое мужчин. Бабушка кормила внучку с ложечки, приговаривая:

– Это скушай за маму! Это за папу! Это за того дядю, который бежит к своей бабушке!

Мужчины чокались и повторяли: «За папу! За маму! За того мужика!»

...Пассажиры укладывались спать. Проводница пила чай, поглядывая в окно. Там в свете редких фонарей мелькал человек с чемоданом.

И тут проводница не выдержала. Вывалившись в окно, она крикнула:

– Да что ж мы, не люди, что ли?! Давайте сюда чемодан!

Пассажир закинул чемодан в окно и прибавил ходу.

Паровоз дал три коротких гудка.

Пассажир ответил одним длинным.

Геракл

Согласитесь, в каждом приличном городе должна быть достопримечательность. В Париже – Эйфелева башня, в Риме – развалины Колизея в хорошем состоянии.

У нас в Зареченске таких достопримечательностей было две: дуб, в тени которого проездом стоял Пушкин, и скульптура античного героя Геракла, как известно, мужчины героических пропорций, при этом из одежды всего-навсего меч в правой руке.

Рассказывают, городское начальство остановилось перед Гераклом как вкопанное:

– Что я вижу?

Сопровождающие лица объяснили, что, мол, грек, из античных, звать Гераклом.

Начальство авторучкой ткнуло в середину композиции:

– Что грек, без вас вижу! А это что?!

Сопровождающие стали оправдываться:

– Недосмотрели десять веков назад при высечении товарища. А теперь это памятник культуры!

– Памятник культуры культурно должен выглядеть! Дети в школу идут мимо чего? Конечно низкая успеваемость! У себя в Афинах пусть стоит нагишом, а у нас чтоб было как у людей! Завтра же!..

Наутро у Геракла все было как у людей. Он стоял при-

крывшись фиговым листком работы местного мастера Каравайчука. Розовый, как говорится, никем не надеванный листок нарядно смотрелся на потемневшей от времени могу-чей фигуре.

...Каким ветром занесло в Зареченск комиссию по охране памятников из Москвы – неизвестно.

Увидев Геракла в обновке, комиссия чуть в обморок не попадала:

– Девятый век! Немедленно отодрать эту гадость!

Каравайчук за ночь отодрал свою «гадость», и опять Геракл стоял честно, по-античному.

...Греческие туристы ворвались в город с востока месяца через три.

Естественно, горсад оккупировали, а там земляк стоит.

Вдруг один из них закудахтал, переводчица перевела:

– Господин говорит, что это оскорбление их национального достоинства, поскольку акт вандализма, недружественный ко всему греческому народу!

То ли Каравайчук перестарался, то ли ветром сдуло, только стоит Геракл в чем мать родила, но не полностью!

Видя такое возмущение греческих товарищей, начальство дало команду: присобачить фрагмент в кратчайшие сроки.

Каравайчук опять не подвел.

Наутро Геракл был укомплектован полностью. Греки на память нащелкались с ним, как могли.

...Письмо из Москвы пришло месяца через два. Геракло-

веды утверждали, что непонятно, с кого был вылеплен зареченский Геракл, поскольку отдельные пропорции не соответствуют ни исторической истине, ни медицинской!

Через дипломатические круги были получены точные параметры, снятые с оригинала в Афинах. Данные пришли шифрограммой.

Поседевший за ночь Каравайчук собственноручно расшифровал, и через день многострадальный Геракл ничем не уступал афинскому оригиналу. Более того, мог дать ему сто очков вперед!

Бедный Геракл простоял так три дня. Тревогу забила участковый врач Сергеева, бежавшая домой с дежурства. Она вызвала милицию и заявила, что повидала в жизни всякого, но такого безобразия еще не видела.

То ли Каравайчук расшифровал неточно, то ли сведения были получены не с того оригинала, но фрагмент не вписывался в Геракла. А вернее – наоборот!

Тогда было принято единственно верное решение – заколотить Геракла досками. То есть памятник охраняется государством – и всё.

У заколоченного памятника быстро налипла толпа.

Люди втискивали глаза в щелочки, оказывали сопротивление милиции.

Старушки, умирая, требовали показать им мученика Геракла.

В воскресенье толпа смяла наряд милиции, раскурочила

доски... и наступила мертвая тишина. За досками никого не было...

Что касается Геракла, кое-кто в городе знает, где он.

Завмастерской по изготовлению надгробий и памятников Завидонов Никодим, согласовав вопрос с начальством, ночью вывез скульптуру из горсада на кладбище.

Очень кстати скончался не известный никому старичок.

Вот Никодим и водрузил ему на могилку памятник Гераклу с душераздирающей надписью: «Внучеку от дедули».

Чтобы не было разночтений, Геракл вкопан в землю по пояс.

От чего памятник только выиграл.

Эстетика

– Журавль! Когда вы летите по небу, люди улыбаются: «Журавлиная стая летит!» А вот, когда идем мы, коровы, – носы воротят, ворчат: «Стадо коровье прется!» В чем разница?

– Ну ты сравнила! – обиделся журавль. – Мы летим красиво! Журавлиным клином! А вы бредете как попало, стадом! Ты меня извини: не-эс-те-тич-но!

Буренка задумалась:

– А ведь журавль прав. Нам бы... клином. По-журавлиному! И люди скажут: «Вон коровья стайка прошла!»

На следующий день коровы возвращались домой построившись несколько странно. Впереди бежала Буренка. Она оглядывалась назад и мычала, чтобы коровы подравнялись, держали линию.

Люди, прижатые к заборам, ругались:

– Совсем озверела скотина! Всю улицу заняли!

Коровы прошли.

Остались на земле коровьи лепешки. Кто-то сказал:

– Смотрите! Смотрите! Лепешки-то как легли! Прямо журавлиный клин получился!

Буренка радостно замычала:

– Выходит, и мы можем!

Потомственный неудачник

Старый слуга Патрик объявил:

– Сэр Эдвард Беккерфильд с супругой!

Гости устремились к дверям: «Неужели тот самый знаменитый Беккерфильд-младший!»

Поговаривали, будто Беккерфильд-младший происходил из старинного рода потомственных неудачников. Не чета нынешней мелюзге!

Эдвард происходил из тех настоящих, проклятых Богом неудачников конца шестнадцатого – начала семнадцатого века.

Если Беккерфильды сеяли пшеницу, соседи обязательно сажали картофель, и в тот год пшеницу пожирала голодная саранча.

Когда они прогуливались по улице в щегольской одежде, соседки поспешно снимали с веревок белье, и тут же разразился чудовищный ливень.

Во все века к Беккерфильдам шли за советом. Если они говорили, что ни за что не купили бы этот участок земли, надо было хватать его с закрытыми глазами. Алмазы, в крайнем случае золото, находили там обязательно.

Если, отвечая на вопрос «Стоит ли единственного сына выдавать за эту уродину», Беккерфильды отрицательно мотали головой – немедленно под венец! Пара в любви и согла-

сии проживет до конца дней!

Вот такой это был легендарный род Беккерфильдов.

Естественно, им не везло в картах, но это была сушая ерунда по сравнению с тем, как им не везло в любви. Если они лезли на балкон к любимой, то всегда попадали сначала в спальню родителей, а уж потом их вышвыривали из окна. Причем полученные увечья не шли ни в какое сравнение с убытками, которые наносили их тела в результате падения.

Дети у них рождались похожими на соседей, зато дети соседей чем-то походили на их жен.

Если где-то вспыхивали драки, то забирали в участок, как вы понимаете, Беккерфильдов, которые проходили мимо.

Все разыскиваемые полицией государственные преступники были в профиль и в фас похожи на Беккерфильдов, отчего последних нередко сажали в тюрьму и выпускали только тогда, когда находили настоящего преступника, которым по ошибке оказывался, сами понимаете, родственник Беккерфильдов.

Леди и джентльмены! Не было на свете ямы, куда бы они не провалились среди бела дня! А споткнуться на ровном месте для них – раз плюнуть!

Словом, неудача шла по пятам и стала им как родная. Невезение вошло в кровь и плоть Беккерфильдов. Зато они стали людьми уверенными в завтрашнем дне. Они не сомневались – хуже не будет. Более того, они научились в каждой неудаче ловить крупную удачу.

Когда по большим праздникам загорался их дом, они гнали прочь соседей с баграми, уверяя их, что, не сгори дом сегодня, он непременно обрушится завтра, придавив всю семью.

Если пропадал кошелек, они радовались тому, что в нем были не все деньги.

Доставая из сундука приданое дочери и обнаружив, что сукно поела моль, они хохотали: «Наевшись этого сукна, моль долго не протянет!»

Вот такие они были – легендарные Беккерфильды.

...Слуга Патрик повторил:

– Сэр Беккерфильд-младший с супругой!

И они вошли в зал. Эдвард с достоинством поклонился. Супруга шаркнула ножкой, сбила мужа, вдвоем они грохнулись на пол.

Гости бросились помогать, но, поскользнувшись на скользком паркете, попадали на пол. А Беккерфильды, поднявшись на ноги, качали сочувственно головами.

– Надо же, какая с ними неприятность приключилась, – бормотал Беккерфильд-младший, прикладывая сломанную руку жены к растущей на лбу шишке.

Первая гастроль

Восьмидесятые. Я только начал выступать за небольшие, но тогда для меня сумасшедшие деньги.

Звонят из-под Сыктывкара. Кооператив. Добывают мрамор, делают надгробия.

«Семен, работы у нас, слава богу, навалом! В феврале годовщина. Людям хочется праздника. Возьми парочку артистов и прилетайте. Не пожалеете!..»

Прилетаем в Сыктывкар.

Сказано было «вас встретит синяя „Волга”». Ждем час. Никакой синей «Волги». Мороз за тридцать. Говорю артистам:

– Я кашу заварил, летим назад за мой счет!

Кассирша отвечает:

– Ближайший самолет на Питер через неделю. Не переживайте. Билетов нет.

В зал заходит мужик в тулупе:

– Из Питера кто-нибудь?

– Мы!

– Поехали!

Счастливые, что все обошлось, трясемся в «жигулях». Едем час. Два. Дороги практически нет, но мы по ней едем. Посреди ночи подъезжаем к двухэтажному зданию. Огромные сосульки упираются в землю. Открывается дверь. Выхо-

дит голый мужик в валенках. Глаза закрыты. Писает. Уходит. Замерзшая струя висит в воздухе и переливается.

Будят повариху. Выходит босая, на голом теле тулуп. Ножовкой пилит бревно на полу. Это окоченевшие макароны. Матерясь, ломом откалывает кусок масла. Жарит на сковороде. Едим. Очень вкусно!

В комнате сдвинуты две кровати. Белья нет. Ложимся. Пять матрасов снизу, пять сверху, мы посередине.

Никогда так сладко не спали.

В два часа дня начинается праздник. На столах от спиртного не протолкаться. Неужели тут закусывают тем же, что пьют?

Объясняют: «Сухой закон. Люди целый год мучились. Пусть пригубят».

Работаем концерт. Принимают на «ура», хотя никто не слушает. Под крики «ура» чокаются и пьют.

Оглядывая счастливые лица выпивающих, интересуюсь:

– А кто нас повезет назад?

– Степаныч!

От того что все пьют, а он нет, Степаныч наливается злобой.

В четыре часа дня садимся в синюю «Волгу».

– На Сыктывкар?

– Нет. Пойдем на Свердловск. Оттуда утром самолетом на Питер.

Господи! Где мы находимся? Мысленно попытался пред-

ставить карту России. Не смог.

Едем. Шофер бормочет сквозь зубы:

– Говори со мной. Засну – вам же хуже!

Как только вспыхивают впереди фары, Степаныч кидает «Волгу» на встречную полосу, прет на таран. В последний момент рывком уходит от столкновения. Встречная машина опрокидывается в кювет.

«Будет знать, как Степаныча слепить, сука!»

И так десять часов...

Успеваем в Свердловске на самолет.

Через три часа очнулись дома в Питере.

Меня потом спрашивали: «Где вы были?» Как ответить?

Есть такое понятие «сердце Родины». Так вот мы побывали в совершенно противоположном месте!

...Через месяц с оказией в квартиру внесли мраморную плиту из Сыктывкара. На плите было выбито золотом: «Мы тебя не забудем!» Через «о».

Ну как такое «забудешь?»

Магдалина

А теперь, товарищи, давайте получим удовольствие от этой картины. Встаньте пошире, чтобы всем было видно. Тебе сколько лет, мальчик? Пятнадцать? Отвернись, тебе еще рано смотреть такие вещи...

Центральное место в творчестве так рано ушедшего от нас Эль Греко по праву занимает полотно площадью четыре квадратных метра «Кающаяся Мария Магдалина».

На холсте Магдалина изображена в необычном ракурсе, на берегу моря. Невольно возникает вопрос: что она здесь делает в такое позднее время? Она здесь откровенно кается.

Художники с давних пор обращались к образу прекрасной грешницы. Но все их Магдалины калялись как-то неубедительно. Без огонька. В иной, оригинальной манере кается Мария у Эль Греко.

Сразу видно, что она глубоко раскаивается в содеянном. «И как это меня угораздило?» – как бы говорит Магдалина.

И ей как бы веришь.

В правом верхнем углу мы видим ветку с листьями. Листьев ровно пятнадцать. Желаяющие могут меня проверить. Тринадцать? Вот народ! Вчера еще было пятнадцать!

А теперь перенесемся в левый верхний угол картины. Там сразу в глаза бросаются три птички. Кое-кто на Западе полагает, что это колибри, но наши ученые опознали в них диких

уток.

И наконец в центре кульминационное пятно картины – сама Магдалина. Эль Греко умышленно расположил Марию смотрящей в сторону. Она не может смотреть людям в глаза. Ей стыдно!

Распущенные как попало волосы говорят нам о распущенности Марии в прошлом. Но правая рука уже полностью прикрывает трепетную грудь. Значит, в Магдалине заговорила-таки совесть!

Эль Греко рисовал в ужасные времена господства испанской инквизиции.

В те годы на кострах горело немало способной молодежи. Поэтому никто не смел открыто думать, рисовать, лепить. И большие художники вынуждены были прибегать к аллегориям. Прибежал к ним и Эль Греко. Магдалина не просто крупная женщина с хорошей фигурой, как это может показаться неискушенному зрителю. Каждая черточка на картине незаметно для себя бросает вызов испанской инквизиции.

На всех картинах художнику удавались глаза. Особенно хорош у Магдалины правый глаз!

Вглядимся в нежное тело, написанное в теплых тонах. Да, Мария – девушка не из рабочей семьи! На руках ни одной царапины, тем более мозоли. Трудно придется Магдалине в дальнейшей жизни.

На коленях у Марии – книжка и чей-то череп. Сейчас трудно сказать, кто именно позировал художнику. Над этим

придется поломать голову нашим искусствоведам.

Слева от черепа – графин с какой-то жидкостью. Что это? Вода, вино или другой яд? Неизвестно! Но вкус приятный.

В целом картина поражает своей чистотой. Белоснежные кружева, покрывало поверх Магдалины – все это говорит нам о тяжелом труде испанских прачек, день и ночь стирающих белье испанской знати, погрязшей в роскоши, вине и женщинах.

Таким образом, можно рассматривать «Кающуюся Марию Магдалину» как суровый документ той далекой эпохи.

Документ, подписанный рукой Эль Греко, замечательно-го художника, умершего в 1614 году, не дожившего до правильного понимания своей картины триста шестьдесят лет.

Золушка

Ветер подхватил ценник с витрины и прилепил к спине девушки.

Прохожие читали и спотыкались:

«Последний экземпляр. 999 долларов?!»

Женщины плевались:

«Совсем обнаглели!»

Мужики оббегали девицу кругами:

«Ничего особенного! За что такие деньги?! Не иначе девица в постели творит чудеса!»

Местный банкир, бормоча:

– Я не настолько богат, чтобы покупать дешевые вещи! – въехал на тротуар. – Королева, садись!

– Вы мне?

Девушка вошла в «мерседес», как в сказку...

Раздеваясь у себя в спальне, банкир бормотал:

– Поглядим, за что такие расценочки!

У Золушки это был первый мужчина.

В постели банкиру вспомнилась молодость: он на лесоповале волочит бревно.

Через час измотанный, обозленный мужик вручил тысячу долларов со словами: «Девочка, повышай мастерство или вылетишь в трубу!...»

Между тем по городу летел слух: объявилась секс-бом-

ба за тысячу долларов! Дружки приставали к банкиру с расспросами: «Как она в постели?»

Сначала он хотел сказать правду. Но подумал: приятелей на тысячу не опустить – грех!

«Удовольствия тысяч на пять!»

У парней от зависти слюни. «Дай телефончик!»

Девушка швыряла трубку:

– Свиньи! За кого меня принимаете?!

Мужики пришли к выводу: «Цену набивает!»

А Золушка часами вертелась у зеркала, пытаясь понять: от чего мужики вдруг обезумели? Грудь, как не было, так и нет. Ноги толстые. Но, раз телефон оборвали, значит, где-то притаилась изюминка!

Из любопытства рискнула провести ночь с пыхтящим блондином. К ее удивлению, он тоже дал тысячу долларов!

Сам блондин после ночи плевался, но всем рекламировал: «Не девица, а полный Лас-Вегас!»

Такого ажиотажа в городе давно не было. Провести ночь с Золушкой стало символом крутизны.

Она тем временем хорошела. Денег полно, оделась как куколка. С практикой секса пришло мастерство. К концу года стала тысяче долларов более-менее соответствовать. А отсидевший на зоне грузин вручил на радостях две.

Золушка сообразила: выходит, отдавалась задаром!

Чтобы наверстать упущенное, сама слух пустила, что берет за ночь три тысячи!

Что вы думаете? Правильно. Очередь увеличилась. Из других регионов потянулся народ.

Сама Золушка на вопрос журналистов «Как вам удалось найти счастье при жизни?» отвечала так:

– Мало знать себе цену, надо чтобы ее узнали другие!

Месть

Овчарка была молодая и наглая. Пудель старый, из хорошей семьи. Летом они жили рядом на соседних участках.

Однажды овчарка ни с того ни с сего бросилась на пуделя и, пока не разняли, жестоко трепала его. На глазах симпатичной болонки.

Старый пудель, зализывая раны, поклялся отомстить.

Через два дня овчарка покусала прохожего. Ее привязали около дома, посадили на цепь.

Когда хозяева были на работе, пудель перешел на соседский участок.

Овчарка метнулась вперед, но упала, подсеченная цепью.

А пудель невозмутимо шагал по чужому участку. Обошел клумбу. Обнюхал поленницу. Подумал. И, подняв ногу, окатил дрова.

Оскорбленная до глубины души, овчарка зашлась в жутком лае. А пудель подошел к кусту роз, понюхал и опрыскал его.

Овчарка взвыла так, будто ее режут.

Пудель, как интурист, продолжил осмотр. Он дотошно описал все, что можно было описать. А розовый куст – дважды!

Овчарка, сорвав голос, лежала пластом и лишь вздрагивала каждый раз, когда пудель заносил карающую лапу.

Прикинув расстояние, на которое могла прыгнуть привязанная овчарка, пудель подошел, сел на корточки и, по-стариковски кряхтя, наложил кучу перед носом овчарки.

У несчастной из глаз лились слезы.

Пудель хотел расписаться на углу дома. Но уже было нечем.

Тогда он зевнул и, виляя задом, затрусил к дому.

На следующий день пудель опять проводил опись участка.

От позора овчарка сходила с ума.

А для пуделя это были лучшие минуты его жизни. Никогда физические отправления не доставляли такого глубокого морального удовлетворения!

На пятый день, чувствуя, что вот-вот явится черный мушкетер, овчарка рванулась, цепь зацепилась за сук – собака повисла.

Когда пудель полвосьмого, как на работу, явился на соседский участок, он ахнул.

Овчарка повесилась! Вот этого свинства он от нее не ожидал!

Через неделю пудель скончался.

Все говорили: наверно, на него смерть овчарки подействовала.

Глупости! Просто жизнь потеряла для пуделя смысл.

Сексанфу

Уважаемое издательство «Физкультура и спорт!»

Пишу с благодарностью за выпуск брошюры для занимающихся интимной жизнью по месту жительства – пособие по «сексанфу» (как сказано, обобщенный опыт любви тибетских жителей тринадцатого века). Наконец доктор Унзякин П. А. расшифровал иероглифы на скалах Тибета. Низкий ему поклон от жителей поселка Уклюева Новгородской области.

Выяснилось, что в любви важен настрой, надобно заранее намекнуть, чтобы половой акт не застал врасплох, а наоборот, быть в полной боевой к нему готовности.

Я своему мужу Николаю объяснила популярно, мол, хочешь получить неземное удовольствие ночью – готовься с утра, оказывай знаки внимания.

Он понял. С поклоном принес веник, чтобы я подмела. Сам посуду помыл и при этом подмигивал как ненормальный. Я в ответ пару раз как бы нечаянно его грудью задела – он только зубы стиснул, молчит – к ночи готовится.

К десяти часам вечера разволновались вплотную. Коля две тарелки разбил, я – четыре. Значит, пора!

Согласно тибетской брошюре, «никакая нагота так не соблазнительна, как полуприкрытая».

Вырядилась в ночную рубаху расшитую и сапожки фаб-

рики «Скороход». Сижую жду, в чем же мой выйдет!

Появляется в черных трусах, красной маечке и синих носках. И что же я вижу? На пятке здоровенная дырка!

«Что ж ты, – говорю, – дорогой, решил заняться любовью в рваных носках? На Тибете такое не принято!»

А он заявляет, мол, это и есть полуприкрытая нагота, которая должна ввести меня в возбуждение.

Ага! Позавчера, как дура, все позаштопала – и здравствуйте!

Николай в ответ: «Хреново заштопываешь!»

Я возразила: «Когда ноги кривые, какой носок выдержит!»

Он мне... Словом, жутко из-за носка возбуждись дырявого.

Николай говорит: «Или займемся любовью, или я пошел к Петру в домино».

Я свет гашу и, как в брошюре указано, сквозь зубы заявляю: «Ползи сюда, мой единственный!»

Николай в темноте стул опрокинул, лапоть кинулся. Я его осадила:

«Нетушки, сукин сын, давай по-тибетски, по-человечески. Шепчи слова ласковые, целуй шею мою лебединую!»

Он матерится, но целует. В шею, правда, в темноте не попал. Угодил губами в ухо. Господи! До чего получилось приятно!

Поскольку оба уже распалились, без разминки начали с

позы номер четырнадцать.

Объясняю вслух, как запомнила: «Жена лежит на боку, вытянув нижнюю ногу, согнув верхнюю ногу в локте. Муж становится на колени, ноги жены кладет себе за пазуху, после чего жена смыкает ноги на спине мужа и откидывается назад. При этом муж может ласкать грудь жены, что чрезвычайно ее возбуждает».

Мы честно пытались такое проделать. На что ушло часа три. Но поскольку Николай, согласно брошюре, руками честно держал меня за ноги, одновременно пытаюсь ласкать мою грудь, то от чрезвычайного возбуждения он меня выронил. Я, падая, коленкой во что-то попала. Николай взвыл. Падая, смел со стола бутылку молочную, осколком поранил пятку, которая раньше торчала из дырки носка.

Тут он много высказал насчет Тибета вообще и меня в частности.

Я его приласкала, ножку перебинтовала, говорю: «Коленька, будь мужчиной, терпи. Давай еще одну позу попробуем – попытка не пытка!»

Он со стонами говорит: «Какая любовь, если на пятку встать нет возможности!»

«Не горюй, – говорю, – есть изысканная поза номер пятьдесят два, там пятка фактически не участвует!»

Он заикается: «Что за поза такая критическая? Нам на нее йоду хватит?!»

Объясняю наизусть: «Во-первых, зажги свечечку. В бро-

шюре сказано, любовью надобно на свету заниматься, чтобы видеть прелесть друг дружки...»

Николай свечку зажег. Но поскольку мы на свету непривычные, то при виде прелестей оба зажмурились. Добрались до кровати на ощупь. Я наизусть зачитываю порядок телодвижений:

«Поza пятьдесят два восхитительна своей экстравагантностью. Он поддерживает вес своего тела на вытянутых руках и коленях. Она садится на него сверху, икры ее ног прижаты к его тазовой части, и, откинувшись, грациозно предлагает себя...»

Мысленно этот разврат представляете?

Николай завис рожей вниз, а я на его спине сверху расслаюсь и, как дура, грациозно себя предлагаю! Кому, спрашивается?

Тогда рискнули по примеру тибетцев плавно перейти в позу пятьдесят три, будь она проклята!

Николай плавно перевернулся, я одновременно грациозно откинулась и со всей страстью – головой о железную спинку кровати. Думала, все, конец мне пришел, или, как в брошюре написано: «Оргазм полный!»

Язык не шевелится, из глаз искры.

Николай, видя, что я на его ласки не очень-то откликаюсь, скатился с постели, свечку задел, она опрокинулась. Пока он в чувство меня приводил, занялась занавеска и ска-терть. Еле-еле всё потушили, осколки собрали, в шесть утра

в крови и в бинтах в постель рухнули.

Я мужа спрашиваю: «Ну, Коль, хорошо тебе со мной было?»

Николай говорит: «Клянусь, ни с кем так не было, как сегодня с тобой!»

Первый раз в жизни я мужу поверила. Во всяком случае, никогда мы любовью так долго не занимались и никогда после этого так сладко не спали.

Хотя есть подозрение, может, что не так делали? Одним словом, передайте по телевизору разъяснения. Поторопитесь, поскольку весь поселок за нами в ту ночь следил, чем это сексанфу кончится. Растолкуйте, пока весь поселок на сексуальной почве не выгорел.

Удовлетворите потребности народа хотя бы в интимной жизни. Про остальную жизнь не говорю, бог с ней.

Бери, не бери

– Как ты думаешь, дорогой, свитер брать с собой?

– Бери.

– Тебе хорошо говорить «бери», а я в нем на юге запарюсь.

– Не бери.

– Ну днем-то жара, а вечером прохладно. Без свитера как пить дать – простужусь и умру.

– Бери.

– Что ты заладил: «бери, не бери»! Понятно! Тебе плевать, жена умрет или нет! Хочешь от меня избавиться! Убийца!

– Солнышко, делай, как тебе удобно!

– Боже мой, такую мелочь он не может решить самостоятельно – брать жене свитер или не брать?!

– Чтоб ты сгорела! Бери!

– Пожалуй, ты прав. Чего таскать с собой лишнее, верно?

Не возьму.

Страус

Кто ловчей других в этой жизни устроился?

Страус!

Чуть что – голову в песок. А как «чуть что» кончится – голову вынимает.

Однажды страус с утра голову в песок сунул, как говорится, от греха подальше. А остальное-то «чудо в перьях», целиком и полностью снаружи! Что и привлекло определенных товарищей.

Налетели и ну глумиться.

А страус головой в песок, будто его это не касается.

Хотя «касается» не то слово! Впятером! Надругались и убежали.

Страус непорочную голову из песка вытащил, перья взбил и пошел как ни в чем не бывало.

Ему кричат:

– Эй, приятель! Пока головой в песок, тебя тут и в хвост и в гриву!

– Извините! Чего не видел, того понятия не имею!

Печень Прометея

Согласно древнегреческому мифу, каждое утро с гор спускался орел и клевал печень прикованного к скале Прометея.

С годами боль превратилась в дурную привычку.

Прометей дремал, постанывая во сне.

Однажды солнце поднялось в зенит, а орла все еще не было.

Прометей проснулся от того, что его не клевали.

Посмотрел на истерзанную печень...

Так вот почему не прилетел орел.

Печень кончилась!

Вечер встречи

Когда-то они дурачились вместе на площадке молодняка.

Прошли годы. И вдруг – приглашение на вечер встречи.

Собрались на опушке леса. Заяц с Зайчихой, Лев со Львицей, Волк с Волчицей, Лисица с Бобром.

Выпили, разговорились.

Зайца от выпитого развезло, Льва по плечу хлопает:

– Лёва, я тебя вот таким помню. Давай поцелуемся – не пожалеешь! Как ты вырос, Лёва! А я, что ни ем, все такой же. Как говорится, «не в коня корм». Да и корм – то есть, то нету! Морковка не уродилась!

– Оленина зато уродилась. Что за манера: есть то, чего нет. Оттого и не растешь, Заяц!

Волчица метала в пасть куски мяса, косясь на Лисицу:

– Рыжая, что со шкурой? Болееешь?

Лисица дернула плечиками:

– До чего ты серая! На мне крокодилова кожа!

– Крокодилова? – Волчица перекрестилась. – У нас в лесу крокодилы отродясь не водились!

– Я за границу от нашего леса выезжала. Муж, бобер, работает сободем. Они на экспорт идут. Я их сопровождаю.

– Кого? Мужей, что ли?

– Пушнину! Кстати, скажи Зайчихе: заячьи шубы давно не носят. Ей бы чего-то приличного!

Заяц вскинулся:

– А на какие, позвольте спросить, шиши?!

– Не понял! – Лев сплюнул косточку. – У нас каждый получает такие шиши, какие ему положены. Вот ты сколько, Заяц?

– Да ни шиша!

– Значит, тебе столько и положено! Я Лев, покрупнее тебя, соответственно, тысячу!..

– Ну, ты прямо королева! – Лисица подсела к Львице: – Слушай, твой на сторону не бегаёт?

– Бегаёт. Но говорит: «Задержался, исполняя служебные обязанности».

– И ты веришь?

– Что я, дура? Конечно, верю. А он говорит: «Мордастая, тебя видели с тигром. Это правда?» Я отвечаю: «Ложь!» И он мне верит. Закон джунглей: все на доверии. А не поверишь – разорвет. Кстати, твой старик исполняет супружеские обязанности?

– Бобруша? – Лисица порозовела. – Как умалишенный! Все хатки строит, хатки! На лето сдает. И нам хватает.

Заяц кашлял на ухо задремавшему Льву:

– Лев, а правду говорят, ты Козлика задрал? С нашей площадки, серенького, помнишь?

– Что за народ! Козел пригласил в гости. Выпили. А закусывать нечем! Я же не алкоголик. «Задрал!» Так исказить факты! Кстати, Заяц, зашел бы с Зайчихой по старой друж-

бе. Фигура какая стала! Прелесть!

– Да ты что, ты что, Лёва! Вглядишься: кожа да кости!

– А я говорю: фигура хорошая! Ничего в зайчатине не понимаешь, даром что заяц!

Волк уже еле языком ворочает, но заводится:

– Я санитар леса! Отец был санитаром леса! Кто была моя мать? Санитарка леса! Кто зверей кругами гоняет, в форме всех держит?!

– Ты, ты! – завыла Волчица. – Гомеопат ты наш единственный!..

Заяц дрожащими лапками поднял бокал:

– Давайте выпьем за нашу площадку молодняка, которая сдружила навеки!

Лев, чокаясь, подмигнул Зайчихе:

– Завтра в десять утра. Устроим завтрак на траве. Только ты да я. Не пожалеешь!..

Вечер прошел в теплой дружественной обстановке.

Умелец

Золотые руки у Федота Березова!

Когда первый раз попадаешь к нему в дом, кажется, что в нем абсолютно пусто.

И только когда хозяин начинает знакомить со своей коллекцией, начинаешь понимать, какие сокровища собраны под этой крышей.

Федот – мастер уникальной миниатюры.

Вот передо мной на стене висит известная картина «Иван Грозный убивает своего сына». Пронизанное драматизмом полотно выполнено на срезе конского волоса. А всего в картинной галерее Березова пятнадцать картин.

Хозяин приглашает пить чай. На столе прелестный чайный сервиз на двенадцать персон, расписанный картинами из жизни природы. Сервиз состоит из двенадцати маковых зернышек.

Крошечная девчушка, копия Федота, просит у папы денег на мороженое.

– Возьми сама, – ласково говорит отец и кивает на кошелек, искусно сшитый из шелупайки семечки подсолнечника.

Кошелек лежит на тумбочке возле двуспальной кровати. Весь спальный гарнитур вырезан из почек карельской березы.

Как говорит Березов: «Хозяйство ведем экономно, у нас

ничто не пропадает!»

Хорошо смотрятся на стене часы с кукушкой в рисовом зернышке. Каждый час кукушка выскакивает и что-то кричит.

Подойдем к книжным полкам, уставленным шедеврами мировой литературы. Все это каким-то чудом уместилось на кусочке пчелиных сот величиной с ладонь. От меда странички несколько слиплись.

Отдельно на окне лежит любимая книга Федота. «Три мушкетера» Александра Дюма. Она позаимствована из библиотеки.

А вот и последняя работа Березова. В стеклянной бусинке два микроба. Один в синей маечке, другой в красной. И оба в черных трусах. Их сшила жена Федота Мария, тоже большая искусница.

Что-то шуршит за дверями. Это пришла с поля кормилица семьи, корова Эсмеральда. Гремя ведрами из ольховых шишечек, Мария уходит. Пошла доить.

Кстати, все экспонаты в этом доме-музее настолько тонкой ювелирной работы, что их трудно заметить невооруженным глазом.

Все эти чудеса можно рассмотреть только под микроскопом. Этот микроскоп, увеличивающий в тысячу раз, тоже смонтирован руками Федота. Сложнейший прибор с механикой, оптикой уместился в зерне озимой пшеницы и лежит в мешке, где этой пшеницы пуда полтора.

Постоянно слышен негромкий звон. Это Федот подковал всех блох в доме серебряными подковками.

«Какой талант, прости господи!» – думаю я, разглядывая Федота Березова через микроскоп, увеличивающий в тысячу раз.

Ежедневно

Вы не поверите: вот уже несколько лет во мне царит какое-то приподнятое настроение.

На работе ежедневно тружусь с огромным удовольствием, переходящим в полное удовлетворение к концу месяца.

Во время обеденного перерыва питаюсь с огромной радостью в новой столовой, где ем все с таким энтузиазмом, что до сих пор не пойму, что, собственно, все эти годы ем.

Дома... Дома просто плачу от радости, когда с чувством выполненного долга, едва переступив порог, попадаю в объятия жены и подрастающего поколения, которому дал путевку в жизнь, а живем вместе.

Как подумаю, что жена является бессменным другом, товарищем – всем, чем угодно вот уже десять лет ежедневно, испытываю такой прилив радости, самому страшно! То же самое творится и с ней, родимой. Просто готовы задушить друг друга в объятиях. Особенно я.

О других женщинах даже не думаю. Когда?! Если непрерывно рядом любимая жена! Двое детей! Пацанов, шалопаев, бандитов рыжих, хотя я абсолютно черный.

Собираясь в тесном семейном кругу, просто не знаем, куда деваться от радости. Тем более квартира небольшая, но дико уютная. Ведь все сделано своими руками. Всё! Антресольки, полочки, двери, окна, потолок, пол, санузел работа-

ет как зверь.

На работе так окружен друзьями – враги просто не могут пробиться. Трудно поверить, что на свете может быть такой спаянный коллектив. Не оставят тебя в беде, в радости, в горе, в получку, в аванс, в выходные и праздничные дни. О буднях не говорю.

Каждый вечер, честное слово, каждый вечер всей семьей садимся за пианино и в любую погоду играем в восемь рук что-то из сокровищницы нашей музыкальной культуры. Все помещаемся, хотя клавиш на всех не хватает, а чтобы всем сесть, кому-то надо уйти. Но звучания, как говорит участковый, добились отличного, особенно когда соседи подхватывают мелодию на балалайках или просто затягивают свое в ответ на наше.

Двор за окном удивительный. Чем-то напоминает раздолье. Озеленен полностью в синий цвет. Ничего более зеленого не нашлось.

Качели скрипят, но раскачиваются с утра до вечера и по ночам.

Вжих-вжих! Вжих-вжих!..

Настолько привык, что, когда не скрипят – просыпаюсь в холодном поту. А что приятней в жару, чем капля холодного пота.

С таким оптимизмом смотрю в будущее, что для настоящего уже не хватает.

Да что ж это такое со мной, доктор?!

Пернатый

Перед сном на балконе как-то раз зазевался – шарах по морде ни с того ни с сего. Да еще врываются в рот и трепещут.

Вот вам свобода слова. Сказать не успел, а уже рот затыкают, да в темноте не поймешь чем.

Кляп пожевал – отбивается. И на вкус вроде птичка сырая, в смысле живая, но породу языком не определишь. А вдруг дятел?

Мало соседей сверху, тараканов на кухне – так еще дятел во рту. Все удобства!

Языком выталкиваю, руками – ни в какую. Мало того что без стука в чужой рот лезут, так еще переночевать норовят.

С трудом выплюнул.

Зубы чищу, а изо рта перья да пух.

Утром на балкон вышел в тапочках, зубы стиснул, не дай бог снова зевну...

И тут «вжик» и «вжик»! Птичка досиделась голыми лапами на проводах, умом тронулась, дом родной с моим ртом перепутала.

А птичка, скажу вам, странной наружности на свету оказалась. Не дятел и не воробей, хотя морда наглая, но перышки в иностранную крапинку. А если... колибри?!

«Птицы под крышей живут, идиотка!» – сквозь зубы шеп-

чу не со зла, а чтобы в рот не прошмыгнула на полуслове.

А птаха в лицо тычется и пищит жалостно, как сирота.

Я ее тапкой.

И тут она меж зубов – фюить! У левой щеки улеглась и затихла.

Как поступить? Не принять дружественную нам перелетную птичку? Учитывая международную обстановку, выход один: раз птица просит политического убежища – дай.

Поначалу тяжело приходилось. Если кто с птицей во рту ночевал, знает: на тот бок не ложись – придавишь. Рот не закрывай – задохнется. Храпанешь – пугается, по зубам крыльями бьет.

В Библии сказано: надо ближнему помогать. А то все друг дружку проглотить пыжимся. Птичка – червячка. Зверюшка – птичку. Человек – человечка. А Бог велел как: не убий, приюти. Коли рот человеку даден, не должен он пустовать.

Каждому свое. У кого-то дача, бассейн с лошадью, а у меня птичка порхает в полости рта. Чувствую себя как на лоне природы. Причем лонно внутри. Губы приоткрыл – птичка оттуда чирикает.

Люди озираются, понять не могут, кому так весело ни с того ни с сего?

А у меня ощущение, будто я сам расчирикался. Плюс выросли крылья.

Да, во рту! Но на зависть всем – крылья!

Кому больше всех надо

Зимой люди переходили речку по льду, летом шли по пояс в бурлящей воде.

Человек сделал из бревен мостик.

Теперь все шли по мосту, было тесно, люди ругались:

– Придумал, понимаешь, мост, давку устраивает! Что ему, больше всех надо, что ли?

Человек вырыл возле дома колодец.

Люди наливали полные ведра воды, вскидывая на плечо коромысло, кряхтели:

– Ну, тип! Вечно ему больше всех надо! Ни у кого нет колодцев, а у него, видите ли, – возле самого дома!

Человек посадил вдоль улицы деревья.

Через несколько лет шумела листва, к осени под тяжестью плодов гнулись ветви.

Люди рвали плоды, сидя в тени, сплевывали косточки и возмущались:

– Раньше была улица как улица, горизонты какие-то. А теперь?! Как в лесу, честное слово! И что ему, больше всех надо!

Умирая, человек попросил похоронить его на кладбище рядом с отцом и матерью.

– Ишь какой хитрый! На кладбище и так не повернуться, а его, видите ли, возле папы с мамой положи.

И похоронили его в стороне на высоком холме.

Глядя издали на его могилу, люди ворчали:

– Полюбуйтесь! Все лежат на кладбище, считай, друг на друге. А этот разлегся на холме, как у себя дома. Ему и при жизни больше всех надо было!

И начали хоронить своих близких на холме, рядом с могилой странного человека.

Глядя из Лондона

10 апреля. Сбылась мечта идиота – купил путевку и вот, как дурак, стою в Лондоне!

Я по-английски научился только молчать – так продавщицы помогают понять, что ты им хочешь сказать.

Прикупил галстук, туфли модные узкие. Старые рваные туфли выкинул из Англии вон.

Проезжали знаменитую речку Темзу. Вот красотища!

У них левостороннее движение. Транспорт едет в сторону, обратную здравому смыслу. Обхохочешься.

В группе две симпатичные девушки из Саратова. Носом чую: возможен роман с блондинкой с одной стороны, а с брюнеткой с другой стороны. У первой выдающийся бюст спереди, у второй то же самое сзади.

12 апреля. Помчались в знаменитый Тауэр. Тюрьма-музей. Единственный минус Тауэра: туфли поджимать стали! Или ноги на английских харчах пухнут. К концу дня обхромал, показалось, пол-Лондона.

В гостинице туфли снял, ноги вышли на свободу, счастливые, как узники Тауэра.

Саратовские девчонки пригласили к себе. Чтобы ничто не стесняло, пришел в носках. Выпили. Положил глаз на блондинку, а руку на брюнетку. Вовремя остановился. Перед экскурсией ноги надо поберечь.

13 апреля. Повезли с утра в Национальную галерею. Туфли жмут ноги так, что перекосило лицо.

Картины восторга не вызвали. Скамеек мало! Сесть не на что. Оперся на англичанку, спросил, как пройти в туалет, – она в сторону. Скрытная нация. Сами в туалет ходят, а другим не дают.

Не выдержал, туфли снял, смотрел на картины в носках. Оказывается, есть неплохие работы!

На улице в носках стало зябко. Тем более подошел полицейский с дубинкой. Пришлось надеть проклятые туфли. Пятки не поместились.

Если честно, Лондон – городок на любителя. Темза грязная, как свинья! Транспорт прет в обратную сторону! Смотришь налево – давят справа!

Не помню, как добрался до гостиницы. Когда ноги выковырял из туфель, от счастья расплакался.

В два часа ночи девчонки ломились в номер – не открыл. Не смог доползти до дверей.

Но до чего в Саратове девки распущенные!

14 апреля. За ночь ноги приняли первоначальную форму. Утром распарил, ножом поскоблил. Три часа прыгал со стула, пока себя в туфли вбил.

Как нарочно – пешая прогулка по городу! Шел, как кавалерист, из-под которого сперли лошадь.

Ну что вам сказать о Лондоне?!

Англичан на улице как собак нерезанных! Дождь, а они улыбаются! Город сумасшедших!

Саратовские топают на каблуках как ни в чем не бывало. Сдуру попробовал подумать о сексе. От чего ногу свело винтом!

Еле вполз в номер. Разуться не смог. Лежал на полу. При этом хотел в туалет.

Постучали в дверь. Ввалились саратовские ведьмы! В халатах на голое тело, хохочут, хватаются. Попросил их вынуть меня из туфель. Дурочки решили: вот он, секс. И давай рвать меня в разные стороны. Наконец туфли с брючиной вырвали, грохнулись в койку и заснули как убитые. Выходит, обеих удовлетворил.

15 апреля. Все на экскурсии. Я лежу в номере, смотрю на распухшие ноги. Пожалуй, это главная достопримечательность английской столицы.

16 апреля. На носилках внесли в самолет. Турпоездка наконец-то закончилась.

К вечеру были в Питере. Три дня ходил по дому босой и пел песни.

19 апреля. Вышел на улицу в своих старых туфлях. До чего красив Петербург!

О природе вещей

НПО в переводе с английского – «неожиданно пропадающие объекты».

6 июля 1987 года сэр Джон Удалейн положил в бумажник сто фунтов стерлингов. Когда надел смокинг и протянул руку к столу – бумажника не было.

Это НПО наблюдали Удалейн, его жена и восьмилетний сын, который божился, что не брал бумажника, даже когда его били по попе.

24 мая 1992 года в Париже сэр Удалейн наблюдал НПО среди бела дня в толпе при большом стечении народа. У него разом пропали: очки, фотоаппарат, шнурок на левой туфле. Мало того, исчезла жена Сьюзи.

Но если очки оказались через день в холодильнике, жена замужем за Джоном Митчелом, то левый шнурок с фотоаппаратом в бегах до сих пор...

А вот название докторской диссертации, которую Джон Удалейн защитил в 1994 году в Кембридже в коридоре от хулиганов:

«Чем крупнее спрятанная сумма денег, тем вероятнее ее исчезновение».

Доказательство. В августе 1992 года сэр Удалейн спрятал тысячу фунтов стерлингов в одной из книг своей библиотеки, насчитывающей пять тысяч томов.

Вернувшись из отпуска, Удалейн перелистал и даже перечитал все книги, но не обнаружил ни фунта! Выходит, читал зря.

Отдельно следует остановиться на спаренных домашних вещах. Носки, запонки, перчатки. Парные вещи, как установил Удалейн, отталкиваются друг от друга со страшной силой, равной два пи эpsilon в шестой степени.

Ученый провел серию опытов. Он купил дюжину носков и в течение недели выстиранную пару вешал в ванной.

Утром он находил не более одного носка, причем рваного. Очевидно, в ночной схватке побеждала сильнейшая особь.

В Мичиганском университете пошли на эксперимент: носки сэра Удалейна поместили радиоактивным изотопом, подающим условный сигнал «пи-пи-тю», и поместили в ванную комнату.

Исчезнувший в первую же ночь носок сэра Удалейна в течение года подавал условленные сигналы. 17 августа связь прекратилась. Не исключено, что носок утонул, пересекая вместе с птицами Атлантический океан.

Бинтуя голову после падения в ванной, ученый сформулировал шестой закон Удалейна:

«Нет в природе такой вещи, которую невозможно было бы потерять. Дерзайте!»

Карьерист

Проездом заглянул в родной городок. Прошло сорок лет, а тут все до боли знакомо.

Люк посреди площади стоит на попа́ до сих пор.

Воробьи рвут на части все того же червя...

В Москве в поте лица строят капитализм, а сюда еще не пришла советская власть.

Вот и мост. Как прежде, закрыт из-за ветхости. Ничто так не долговечно, как ветхость...

В детстве всем хотелось нырнуть с моста в реку. Нельзя!

Рыжий сержант в любую погоду ходил по мосту взад-вперед, пугая винтовкой: «Назад! Стрелять буду!»

Сто лет мост охранялся, как военный объект. Хотя не придумать войну, где этот мост мог бы участвовать.

В потемках вроде маячит фигурка с ружьем...

Господи! Неужели тот самый сержант!?

«Стой! Стрелять буду!»

Точно! Рыжий!

– Сержант, сорок лет пролетело, а ты еще тут!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.